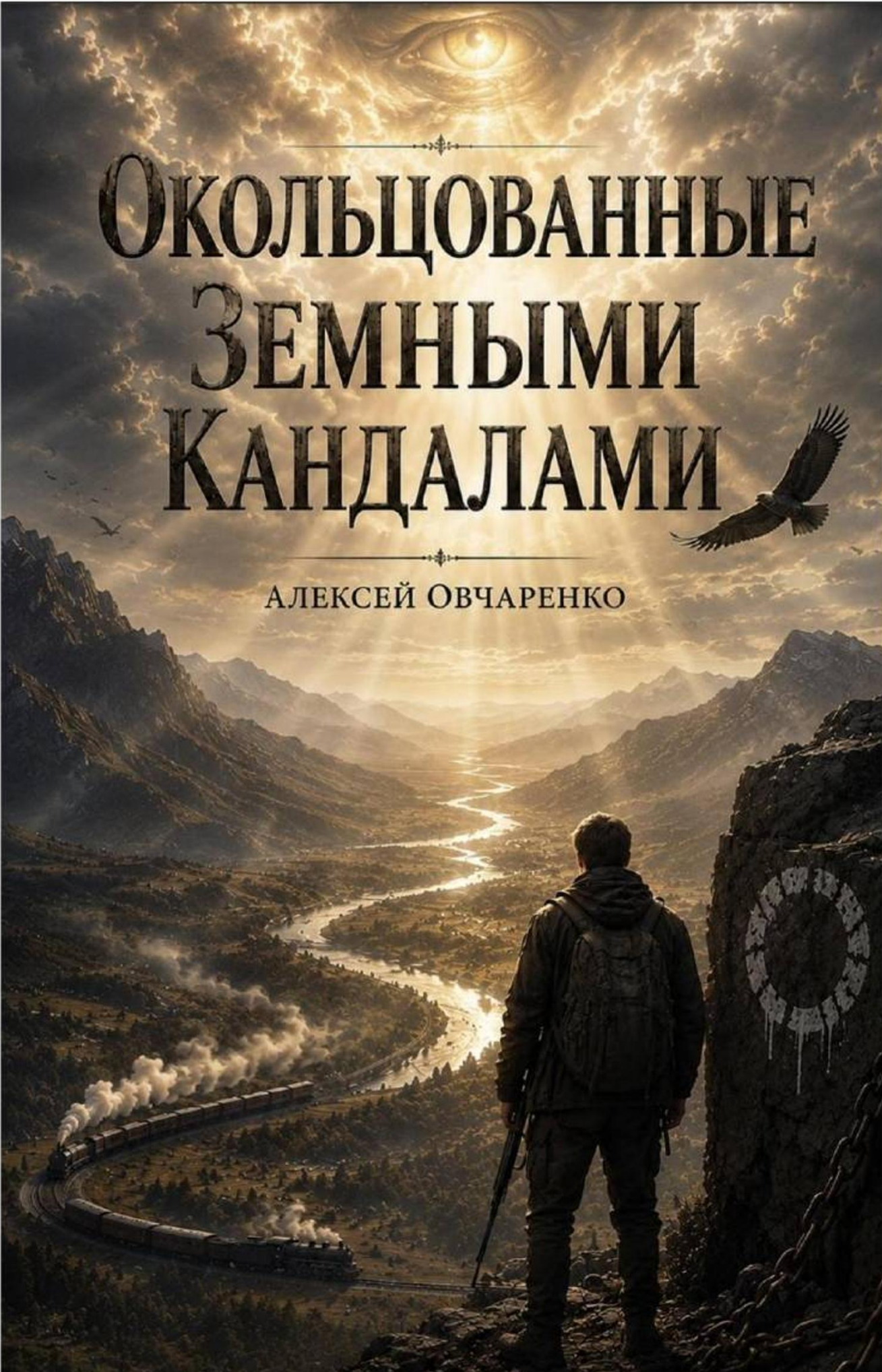

ОКОЛЬЦОВАННЫЕ ЗЕМНЫМИ КАНДАЛАМИ

АЛЕКСЕЙ ОВЧАРЕНКО

Алексей Овчаренко

**Окольцованные
Земными Кандалами**

«Автор»

2026

Овчаренко А.

Окольцованные Земными Кандалами / А. Овчаренко — «Автор»,
2026

Окольцованные земными кандалами — это не литература для комфортного вечернего чтения. Это радикальный манифест духа, запертого в тисках оцифрованной реальности. В мире, где свобода подменена ассортиментом товаров, а вера — набором суррогатных ритуалов, эта книга становится картой для тех, кто решился на самое опасное путешествие — внутрь самого себя. Алексей Овчаренко ведет читателя через лабиринты «забытого распада» и «архитектуры цифрового конвоя», вступая в жесткий диалог с Достоевским, Кафкой и Манном. Здесь нет утешительных ответов, но есть холодная правда о том, как мы сами куем свои оковы, и о единственном пути к подлинной воле. Это книга для тех, кто чувствует, как металл колец врезается в плоть, и готов сделать единственный шаг, который еще остался возможным — шаг в бездну собственной души, чтобы обнаружить там неугасимый свет. Срывай. Обращивайся. Будь.

© Овчаренко А., 2026

© Автор, 2026

Алексей Овчаренко

Окольцованные Земными Кандалами

ОКОЛЬЦОВАННЫЕ ЗЕМНЫМИ КАНДАЛАМИ АЛЕКСЕЙ ОВЧАРЕНКО

Философская публицистика - Манифест-эссе -
Экзистенциальная философия, социальная критика

Углубление в себя

2026

Введение

Метафизика побега из матрицы

Посмотрите в окно, а затем — на экран своего телефона. Что из этого кажется вам более реальным?

Современный мир совершил страшный подлог: он заменил бытие его симуляцией. Мы живем в эпоху, где тишина объявлена вне закона, а каждая наша мысль пропущена через фильтры алгоритмов. Мы окольцованы не колючей проволокой, а комфортом, предсказуемостью и страхом оказаться изгоями в оцифрованном загоне.

Книга, которую вы держите в руках — это не попытка изменить внешние декорации. Бесплезно бороться с системой её же методами: ненавистью, насилием или политическим шумом. Если ты начнешь эту игру, ты просто выкуешь себе новые кандалы, другого цвета. Единственный радикальный способ разорвать кольцо — это то самое «Углубление в себя», путь в самую темную, неисследованную шахту твоего собственного «Я».

Большинство людей панически боятся этого погружения. Там, на глубине, нет зрителей, нет статусов и нет адвокатов, способных оправдать твое малодушие. Но только там, один на один с Абсолютом, можно услышать настоящий голос совести, заглушенный бесконечным информационным гулом.

Этот текст — манифест для тех, кто отказывается засыпать под колыбельную умирающей цивилизации. Мы не ищем развлечений. Мы фиксируем точки опоры для тех, кто чувствует, что увязает в болоте сегодняшней реальности. Мы строим новые «Красные Ворота» внутри человеческого сердца, чтобы каждый мог оставить свои кандалы на пороге.

Если ты чувствуешь щемящую боль от того, как легко сегодня обесценивается человеческая жизнь, если ты понимаешь, что твоя воля — это не товар, а метафизический дар — значит, ты готов. Нам предстоит спуститься еще глубже, туда, где земные оковы срастаются с костью. И поверьте, у нас хватит мужества дойти до самого дна, чтобы оттолкнуться от него и начать движение вверх.

Пора перестать смотреть по сторонам в поисках спасителей или виноватых. Взгляд должен быть направлен строго внутрь.

Добро пожаловать в тишину. Добро пожаловать к самому себе.

Глава 1.

Реалии сегодняшнего дня: Оцифрованный загон

Посмотрите в окно, а затем — в экран своего телефона. Что из этого более реально? Современный мир совершил страшный подлог: он заменил бытие его симуляцией. Мы живём в эпоху, когда информационный шум стал плотнее, чем атмосферное давление. Нас бомбардируют смыслами, ценностями и катастрофами в режиме нон-стоп, лишая человека главного дефицита современности — тишины. В этой тишине рождалась мысль. В этой тишине человек встречался с Богом и с самим собой. Сегодня эту тишину объявили вне закона. Если ты замолчал, если ты выпал из общей повестки хотя бы на день, система начинает воспринимать тебя как системную ошибку, как пустой пиксель. Реалии наших дней — это перманентный кризис. Мы больше не ждём, когда наступит стабильность, мы просто учимся маневрировать между тектоническими сдвигами истории. Пандемии, локальные и глобальные конфликты, экономи-

ческие обвалы, культурные мутации — всё это спрессовано во времени так плотно, что человеческая психика просто перестаёт сопереживать. Наступает глобальное онемение душ.

Мы заперты в кандалы чужих интерпретаций. Нам говорят, как правильно чувствовать боль, за кого молиться, кого ненавидеть и чему радоваться. Общество превратилось в колоссальный распределительный центр, где каждому клеят ярлык. И в этом загоне, обнесённом невидимой цифровой изгородью, начинается наша первая, самая примитивная, но оттого не менее яростная битва — битва за биологическое и ментальное выживание. Существует огромная, пропастная разница между терминами «функционировать» и «жить». Большая часть человечества сегодня именно функционирует. Мы поддерживаем оптимальный уровень калорий в организме, следим за показателями здоровья, вовремя оплачиваем счета и обновляем гардероб. Но разве это жизнь?

Борьба за жизнь в XXI веке — это не защита от диких зверей и не поиск чистой воды. Это защита своего внутреннего человека от тотального уничтожения. Система делает всё, чтобы превратить нас в функции. Рабочая функция, потребительская функция, электоральная функция. Как только ты соглашаешься стать функцией, твоя настоящая жизнь прекращается, уступая место механическому существованию. Настоящая борьба за жизнь начинается тогда, когда ты внутри себя говоришь: «Я не просто биомасса, реагирующая на внешние раздражители». Это борьба за право чувствовать настоящую, не отфильтрованную соцсетями боль. Это борьба за право любить без оглядки на выгоду и прагматизм. Посмотрите, как легко сегодня обесценивается человеческая жизнь в глобальном масштабе. Статистика смертей превратилась в сухие цифры на экранах, которые мы пролистываем за завтраком. Когда смерть становится обыденностью, жизнь теряет свою сакральность. И вернуть эту сакральность — задача каждого отдельного сознания. Борьба за жизнь — это ежедневный манифест: «Я мыслю, я чувствую, я страдаю, а значит — я существую вопреки всему давлению этого мира». Это отказ быть деталью в чужом механизме. Нам внушили, что свобода — это обилие товаров на полках супермаркета и возможность выбрать, в какой цвет покрасить стены в съёмной квартире. Но это не воля. Это расширенный ассортимент внутри тюремной камеры. Земные кандалы держат нас крепче всего именно тогда, когда мы искренне верим, что свободны. Настоящая воля — категория не политическая и не экономическая. Это метафизическое состояние. Это способность действовать вопреки собственному страху, вопреки инстинкту самосохранения, если того требуют твои убеждения.

Почему воли боятся больше всего? Потому что воля неотделима от ответственности. Быть рабом обстоятельств или чужой воли — это, как ни странно, очень комфортно. В этом состоянии у тебя всегда есть виноватый: правительство, начальники, родители, эпоха, расположение звёзд. Свободный же человек автономен. Если он совершает ошибку, он падает на каменистую землю собственного выбора и расшибает колени в кровь сам, не имея права переложить эту боль на чужие плечи. Борьба за волю сегодня — это в первую очередь борьба за свободу своего внимания. Тот, кто владеет твоим вниманием, владеет твоей жизнью. Куда направлен твой взор? На бесконечную ленту новостей, генерирующую тревогу, или внутрь себя, где живут настоящие вопросы? Воля — это способность сказать «нет» трендам, моде, общественному давлению и остаться один на один со своей правдой, даже если эта правда делает тебя изгоем. Справедливость — пожалуй, самое затасканное и изнасилованное слово в человеческой истории. Ради «справедливости» совершались самые страшные преступления, текли реки крови и рушились империи. Но парадокс в том, что земной справедливости в чистом виде не существует. Её нет в природе: сильный пожирает слабого, ураган сносит дома праведников и обходит стороной двор злодея. Её нет и в человеческом законе, который всегда пишется победителями под себя.

Тогда почему мы так неистово её ищем? Откуда в нас этот неизбывный, мучительный голод по правде?

Этот голод — прямое доказательство того, что внутри человека заархивирована память о другом, высшем порядке вещей. Мы чувствуем несправедливость кожей, потому что она нарушает наш внутренний камертон. Борьба за справедливость сегодня часто превращается в месть или в попытку перераспределить блага. Но подлинная битва лежит в иной плоскости. Это борьба за то, чтобы не стать частью несправедливости самому. Легко обличать пороки мира, сидя на диване. Куда сложнее поступить справедливо в ущерб собственному кошельку, карьере или спокойствию. Справедливость начинается не с трибун, а с того, как ты разговариваешь с подчинённым, как ты относишься к слабому, протягиваешь ли руку тому, от кого отвернулись все. Борьба за справедливость — это удержание эталона человечности внутри себя, даже когда весь мир вокруг играет без правил.

Мы подошли к самому главному, осевому нерву человеческого существования. К вере. Земные кандалы умудрились опутать даже то, что по определению должно быть свободно — наши отношения с Творцом. Вера сегодня слишком часто подменяется религиозным прагматизмом, обрядностью или, что ещё хуже, идеологическим инструментом. Люди превратили Бога в небесного бухгалтера или в карманного защитника своих геополитических интересов. Но чистота веры не имеет ничего общего с золотом куполов, количеством поклонов или знанием догматических текстов наизусть. Чистота веры — это тихий, интимный диалог обнажённой человеческой души с Абсолютом. Это состояние, когда ты отбрасываешь все посреднические структуры, все страхи перед адскими муками и корыстное желание рая, и остаёшься один на один с Творцом Всевышним Отцом в абсолютной честности. Очистить веру — значит убрать из неё эгоизм. Мы ведь почти всегда просим: «Дай, защити, помоги, накажи моих врагов». Мы относимся к высшим сферам как к сервисной службе или перед ассортиментом в супермаркете. Чистая же вера начинается там, где человек способен сказать:

«Пусть я ничего не понимаю в происходящем кошмаре, пусть мне больно и страшно, но я доверяю Твоему замыслу обо мне. Проведи меня через эту тьму, не дав мне самому стать тьмой».

В мире, где торжествует материализм и культ сиюминутного наслаждения, сохранить чистую веру — это самый радикальный акт бунта. Это утверждение, что видимый мир — лишь тонкая плёнка над бездной вечности. Все внешние битвы — за жизнь, волю, справедливость и веру — обречены на поражение, если не проведена генеральная уборка внутри. Нельзя построить справедливое общество из глубоко поломанных, эгоистичных людей. Нельзя завоевать внешнюю свободу, оставаясь рабом своих страстей и комплексов. Именно поэтому подзаголовок этой книги — Углубление в себя. Это маршрут в самую тёмную, неисследованную шахту твоего собственного «Я». Большинство людей панически боятся этого погружения. Почему? Потому что там, на глубине, нет зрителей. Там нельзя прикрыться красивым статусом в социальных сетях, дорогими часами или репутацией порядочного человека. Там ты встречаешь своих настоящих демонов: зависть, трусость, тщеславие, обиды, которые ты лелеял годами. Но только пройдя через эту встречу, только признав свою слабость, человек получает шанс на трансформацию. Кандалы начинают спадать не тогда, когда ты рубишь их снаружи, а когда твоё внутреннее пространство расширяется настолько, что эти кольца просто лопаются, не в силах сдержать выросший дух.

Углубление в себя — это больно. Это отказ от иллюзий. Это ревизия всего, во что ты верил. Но это единственный путь к тому, чтобы стать настоящим. Нам пора перестать смотреть по сторонам в поисках спасителей или виноватых. Взгляд должен быть направлен строго внутрь. Там, в этой глубине, горит слабый, но неугасимый свет. И наша задача — раздуть из него пламя, способное согреть этот замерзающий мир.

Когда ты долго всматриваешься в бездну человеческой природы, бездна начинает узнавать тебя в лицо. Мой путь к этой книге, к осознанию того, насколько глубоко мы окольцованы земными кандалами, не был линейным. Он складывался годами, строчка за строчкой,

книга за книгой, где каждая работа становилась попыткой пробить глухую стену человеческого равнодушия. В своё время, создавая работу «Красные Ворота», я пытался нащупать ту самую пограничную черту, у которой оказывается каждый из нас. Красные ворота — это ведь не просто архитектурный образ или метафора перехода. Это символ выбора, за которым всегда открывается неизвестность. Тогда мне казалось, что достаточно просто указать человеку на этот створ, показать, что выбор существует, и он сделает шаг к свободе. Но реальность оказалась куда более вязкой. Сами «Ворота» для многих стали лишь частью привычного пейзажа, мимо которого люди продолжают идти на автопилоте, даже не замечая, что за ними высится стена под названием строгое заключения внутри себя. Ранее, погружаясь в «Сургаренк: Хроники Забытого Распада», я исследовал анатомию того, как рушатся целые миры — как внешние, так и внутренние. Сургаренк стал для меня моделью пространства, где распад происходит не мгновенно, не от взрыва, а через тихое, будничное гниение смыслов. Это хроника того, как забывается главное, как святыни блекнут, превращаясь в пыль, а люди продолжают обживать руины, делая вид, что всё в порядке. Именно там, в «Хрониках Забытого Распада», я впервые отчётливо разглядел контуры тех самых цепей, о которых мы говорим сегодня. Когда общество или отдельный человек соглашаются на ментальный распад, кандалы защёлкиваются окончательно. Мы забываем, кем были, забываем вкус чистой воли, и этот «забытый распад» становится нашей новой, суррогатной нормой.

Глава 2.

Зеркало вопросов: Что же ты, человек?

Каждый писатель рано или поздно упирается в один и тот же глухой, монолитный вопрос, от которого нельзя ни откупиться, ни спрятаться за красивыми метафорами. Этот вопрос я вынес в заглавие своей прошлой работы — «Что же ты, человек?».

Это был не просто крик в пустоту, это был допрос с пристрастием. Кто мы такие, когда с нас сдирают кожу социальных условностей, званий и материальных достижений? Из чего мы сделаны? Из страха перед завтрашним днём или из искры Божьего гнева и любви?

В книге «Что же ты, человек?» я пытался препарировать феномен человеческой слабости и человеческого величия, сосуществующих в одном сердце. Мы способны дотянуться до звёзд, изобрести лекарства от смертельных болезней, писать гениальную музыку — и в то же время с поразительной лёгкостью предавать близких, уничтожать себе подобных ради клочка земли или пачки бумаг, добровольно подставлять шею под ярмо. Сегодня, оглядываясь на этот вопрос из точки «здесь и сейчас», в реалиях 2026 года, я вижу, что ответ на него стал ещё более трагичным. Человек оказался существом, которое невероятно легко поддаётся дрессировке. Нас окольцевали не силой — нас окольцевали через наши собственные слабости, через комфорт, через страх оказаться белыми воронами. И книга, которую вы держите в руках сейчас, «Окольцованные земными кандалами» — это прямое, неизбежное продолжение того самого диалога. Если в прошлых работах я спрашивал, что мы такое, то теперь я пытаюсь понять, как нам остаться собой в условиях тотального духовного окружения. Давайте признаем честно: кандалы не всегда приносят боль. Иногда они приятно холодят кожу. Земные оковы устроены так, что они предлагают человеку самую страшную сделку в его жизни: отказ от первородной свободы в обмен на предсказуемость. Почему «Углубление в себя» пугает современного обывателя больше, чем экономический кризис? Потому что на глубине нет готовых инструкций. Мои книги — от «Красных Ворот» до «Что же ты, человек» — всегда были попыткой заставить читателя остановиться и обернуться в эту бездну. Но современный ритм жизни устроен как центрифуга: он раскручивает тебя так сильно, чтобы центробежная сила выбрасывала любую глубокую мысль на периферию сознания. Мы выбираем плен, потому что свобода — это сквозняк. Это ледяной ветер, который дует из вечности и требует от тебя ежесекундного бодрствования. Рабство же — это тёплая, пусть и душная, казарма. В ней тепло, там кормят по расписанию информационными суррогатами, там выдают готовые смыслы. Борьба за чистоту веры

и волю в таких условиях выглядит как безумие. Зачем бороться за то, что нельзя положить в карман или конвертировать в валюту?

Но именно здесь и кроется ловушка, о которой я предупреждал ещё в «Хрониках Забытого Распада». Цена этого комфорта — постепенное отмирание души. Сначала ты отказываешься от своего мнения, чтобы не спорить с большинством. Потом ты предаёшь свою справедливость ради сохранения тёплого места. Затем твоя вера превращается в механический ритуал. И вот — перед нами идеальный, оцифрованный биоробот, у которого на ногах звенят невидимые, но сверхпрочные кандалы. Как автор, прошедший через лабиринты «Красных Ворот» и задававшийся вопросом «Что же ты, человек?», я вижу только один путь спасения — формирование внутреннего ядра сопротивления. Это сопротивление не имеет ничего общего с уличными протестами или политическими лозунгами. Это восстание духа против энтропии. Эта триада — наш единственный манифест. Когда мы пишем эти строки, мы не просто занимаемся литературой. Мы фиксируем точки опоры для тех, кто чувствует, что увязает в болоте сегодняшней реальности. Мы строим новые «Красные Ворота», но на этот раз — внутри самого человеческого сердца, чтобы каждый мог обойти их, оставив кандалы на пороге.

Быть писателем сегодня — это странное, порой мучительное ремесло. Ты словно стоишь на палубе тонущего корабля и пытаешься зафиксировать траекторию его падения. Зачем? Чтобы те, кто придут после, если они будут, понимали: мы не уходили на дно молча. Мы понимали, что происходит. Когда я писал «Сургаренк», мир казался более прочным, а распад — гипотетическим. Сегодня этот распад стал осязаемым, он стучит в двери каждого дома новостными сводками и тревожным гулом за окном. Окольцованные земными кандалами — это крик души, которая отказывается засыпать под колыбельную цивилизации.

Я, Алексей Овчаренко, пишу это не для того, чтобы удивить кого-то словесной эквилибристикой. Мой читатель — это человек, который, как и я, чувствует тяжесть этих невидимых колец. Человек, который задаёт себе тот же мучительный вопрос: «Что же ты, человек?», и ищет в себе силы не просто выжить, но сохранить веру в её первозданной, звенящей чистоте. Мы только начали это погружение. Нам предстоит спуститься ещё глубже, туда, где земные оковы срастаются с костью. И поверьте, у нас хватит мужества дойти до самого дна, чтобы оттолкнуться от него и начать движение вверх. Ни один человек не просыпается утром с осознанием того, что он стал рабом. Рабство — это всегда процесс с открытым финалом, где жертва сама подносит палачу гвозди. Когда я оглядываюсь на траекторию, оставленную моими прошлыми работами, я вижу, что мы планомерно шли к этой точке. Земные кандалы не упали на нас с неба, их не выковали в секретных лабораториях мирового правительства. Мы выковали их сами, в кузницах собственного малодушия. В «Красных Воротах» я описывал преддверие этого процесса. Тот момент, когда перед человеком ещё открыт горизонт, когда краска на воротах ещё свежа и призывно горит огнём. Это была точка бифуркации. Человечеству был дан шанс шагнуть в эпоху истинной свободы духа, сорвать с себя ветхие одежды прошлых предрассудков и пойти по пути усложнения внутреннего мира. Но что сделали мы? Мы испугались масштаба открывшейся панорамы. Мы постояли у створа, потрогали холодный металл косяков и попятились назад, в уютную, предсказуемую темноту. Почему так произошло? Ответ кроется в природе страха. Свобода требует колоссальных энергетических затрат. Чтобы оставаться свободным, ты должен каждую секунду совершать усилие — усилие мысли, усилие воли, усилие веры. Человеческая же природа, подчиняясь закону сохранения энергии, стремится к покою. И этот покой нам любезно предоставила система. Отказ от борьбы у ворот привёл нас прямоиком в пространство «Сургаренка». Это логическое следствие трусости перед свободой. Если ты не идёшь вперёд, сквозь Красные Ворота, ты неизбежно оказываешься в хрониках забытого распада. Металл кандалов начинает коваться именно там, где человек впервые говорит себе: «Пусть всё идёт как идёт. От меня всё равно ничего не зависит. Главное —

чтобы меня не трогали». Это и есть первая молекула того сплава, который позже обовьёт твои лодыжки плотным, неразрывным кольцом.

Когда я писал «Сургаренк: Хроники Забытого Распада», мне часто казалось, что я создаю гротеск, утрированную антиутопию, которая призвана лишь напугать, встряхнуть засыпающее сознание читателя. Как же горько сегодня осознавать, что Сургаренк — это не вымысел. Это документальный репортаж из нашего сегодняшнего дня. Оглянитесь и Обернитесь вокруг. Что такое забытый распад? Это состояние общества, в котором базовые понятия — добро, зло, честь, предательство, целомудрие и блуд — потеряли свои чёткие контуры. Они размылись, превратились в относительные величины. «Всё не так однозначно» — вот главный девиз человека, окольцованного земными оковами. Этой фразой мы оправдываем любую подлость, любой компромисс с совестью. В Сургаренке распад не сопровождался громом небесным. Там не падали метеориты. Там просто тихо угасал свет в окнах, а люди привыкали жить в сумерках. В реалиях сегодняшнего дня мы видим абсолютно то же самое. Информационное поле устроено так, чтобы стереть память. Нас заставляют забыть то, что происходило вчера, перекрывая старую боль новой порцией шок-контента. Человек без памяти — это идеальный материал для оков. Ему можно внушить любую идентичность, его можно заставить поклоняться любому идолу. Мы забыли, что такое распад духа, потому что увлеклись созерцанием распада материи. Мы следим за курсами валют, за индексами рынков, за границами государств. Но это лишь пена на поверхности океана. Настоящая катастрофа Сургаренка происходит внутри. Когда мать перестаёт понимать сына, когда друг видит в друге лишь конкурента и врага, когда вера превращается в элемент социального статуса. Кандалы защёлкнулись не тогда, когда ввели цифровой контроль или экономические санкции. Они защёлкнулись, когда мы согласились с тем, что человек человеку — либо волк, либо инструмент. Возвращаясь к вопросу, поставленному в книге «Что же ты, человек?», мы вынуждены констатировать: современный человек — это великий эквилибрист, балансирующий над бездной собственной пустоты. Мы научились виртуозно маскировать отсутствие внутреннего содержания внешними атрибутами. Никогда ещё в истории человечества не было такого культа «личности» при таком катастрофическом дефиците этой самой личности. Из каждого утюга нам кричат о саморазвитии, личностном росте, уникальности и поиске себя. Но если присмотреться к этому «поиску», становится жутко. Это не углубление в себя — это инвентаризация кандалов. Человек ищет не Бога внутри себя, он ищет, как подороже продать свои навыки системе, как упаковать свою серость в красивую обёртку. Мы превратились в общество симулякров. У нас есть:

Имитация свободы: право выбирать из сотни одинаковых брендов при полном запрете на инакомыслие.

Имитация любви: контракты, прагматичный расчёт и суррогатные эмоции в сети, заменяющие живое, жертвенное чувство.

Имитация справедливости: юридические лабиринты, в которых прав тот, у кого сильнее адвокат или административный ресурс.

Имитация веры: шоу-религия, где вместо сокрушения сердца мы видим демонстрацию лояльности институту.

И на этом фоне вопрос «Что же ты, человек?» звучит уже не как философское изыскание, а как пощёчина. Это требование проснуться от анабиоза. Мы заигрались в симуляцию жизни, забыв, что земное время ограничено, а кандалы, которыми мы себя окружили, имеют свойство вращаться в плоть так глубоко, что ампутация будет возможна только вместе с душой. Итак, диагноз поставлен, хроники распада зафиксированы, Красные Ворота остались позади как упущенный шанс. Что дальше? Смириться, признать поражение и тихо доживать свой век в оцифрованном загоне, уповая на то, что цепи не будут тереть слишком сильно?

Нет. Пока в человеке жив хотя бы намёк на внутренний бунт, пока вопрос «Что же ты, человек?» вызывает не глухое раздражение, а щемящую боль в груди — выход есть. Но этот

выход лежит не через внешнее противостояние. Нельзя победить дракона его же оружием. Если ты начнёшь бороться с системой её методами — ненавистью, ложью, насилием и манипуляциями — ты просто выкуешь себе новые кандалы, только другого цвета. Единственный радикальный способ разорвать кольцо — это то самое Углубление в себя. Это тотальная смена фокуса внимания. Этот путь не обещает комфорта. Напротив, он гарантирует одиночество на первых этапах. Когда ты начинаешь снимать с себя земные кандалы, окружающие, которые всё ещё считают свои цепи модными аксессуарами, начнут смотреть на тебя с подозрением. Твоя свобода будет напоминать им об их собственном рабстве, а этого люди не прощают. Но это единственная цена, которую стоит платить за право умереть человеком, а не функцией.

Писательство для меня никогда не было индустрией развлечений. Я не умею и не хочу писать тексты, которые помогают «скоротать вечер» или отвлечься от суровой реальности. Напротив, задача моих книг — вернуть человека в эту реальность, столкнуть его с ней лицом к лицу. Когда я пишу эти строки для книги «Окольцованные земными кандалами», я чувствую колоссальное давление времени. Мир стремительно закрывается, шторы опускаются, пространство для свободного маневра духа сужается до размеров тюремной камеры. И слово остаётся едва ли не единственным инструментом, способным пробивать стены. Но слово работает только тогда, когда оно оплачено личным опытом автора. Нельзя писать о свободе, будучи трусом. Нельзя писать о чистоте веры, если твоё собственное сердце забито прагматичным мусором. «Красные Ворота», «Сургаренк», «Что же ты, человек» — это были мои личные этапы очищения сознания. Я совершал ошибки, увязал в рутине, падал в те самые ямы распада, о которых предупреждал читателя. Но именно этот опыт падений и восстаний даёт мне право сегодня говорить открыто. Мы не имеем права на фальшь. Детекторы этого мира — будь то искусственные алгоритмы или живые, но иссушенные души людей — мгновенно распознают пластиковую, мёртвую мысль. Текст должен дышать, он должен пульсировать, он должен ранить. Только через эту рану внутрь онемевшей человеческой души может проникнуть свет подлинной веры и воли. Мы продолжаем этот бой, и каждая страница этой книги — ещё один шаг к свободе от земных оков.

Глава 3.

Сладкий яд ментального паралича:

Самое страшное свойство любых оков заключается не в том, что они ограничивают движение. Самое страшное — они со временем начинают казаться естественным продолжением твоего собственного скелета. Организм человека обладает феноменальной, почти преступной способностью адаптироваться к любому уровню унижения, если это унижение дозировано, завернуто в красивую обертку и подается под соусом «заботы о безопасности». Взгляните на то, как мы добровольно дали право на выбор. Раньше человек сомневался. Мучился. Ошибался. И через эти ошибки — порой кровавые, порой нелепые — он рос. Сегодня все решают за тебя, какую музыку тебе слушать по дороге на работу, какой фильм посмотреть вечером, и — что самое жуткое — какую эмоцию испытать по поводу очередного кризиса. Нам больше не нужно тратить ментальную энергию на созидание собственного отношения к миру. Зачем? Система уже создала готовый шаблон. Тебе остается только кликнуть, применить этот шаблон к своей пустой внутренней матрице и с облегчением выдохнуть: «Я как все. Я в безопасности». Это и есть ментальный паралич. Состояние, когда мышцы души атрофируются за ненадобностью.

Сегодня мы радуемся цифровому комфорту, не замечая, что платим за него самой дефицитной валютой вселенной — субстанцией собственного «Я». Когда-то в «Сургаренке» я писал о тихом, будничном гниении смыслов. Так вот, сегодня это гниение вышло на промышленный уровень. Оно упаковано в глянцевые интерфейсы и подается как высшее достижение цивилизации. Почему мы так легко сдались? Ответ циничен и прост: свобода оказалась слишком тяжелой ношей для изнеженного поколения XXI века. Свобода — это ведь не путевка на курорт. Это перманентное одиночество перед лицом вечности. Это необходимость отвечать за каждый

свой вдох, за каждое слово и за каждый невысказанный протест. А кандалы... кандалы предлагают удивительный, убаюкивающий уют. Посмотрите на структуру этого плена: Утилизация воли под видом оптимизации: тебе больше не нужно думать, куда идти — навигатор проложит маршрут; тебе не нужно думать, что купить — контекстная реклама уже прочитала твои подсознательные импульсы. Иллюзия сопричастности: нажимая кнопку «лайк» под постом о чужой беде, человек искренне верит, что совершил акт милосердия. Произошла страшная подмена: действие заменилось симуляцией действия, а живая помощь — цифровым сигналом, система выстроила институты так, что ты никогда не виноват лично. Виновата структура, виноват регламент, виноват экономический тренд. Личная ответственность размазана по миллионам пикселей, и в итоге — никто не в ответе ни за что.

Мы превратились в коллекционеров суррогатов. Мы боимся настоящей боли, потому что она разрушает наш хрупкий мир из гипсокартона и фальшивого благополучия. Но отказываясь от боли, мы автоматически отказываемся и от подлинной радости. Нельзя выборочно анестезировать душу. Нельзя заглушить в себе страх смерти, не заглушив при этом способность любить. Каждый раз, когда я возвращаюсь к вопросу «Что же ты, человек?», я чувствую, как металл этих невидимых колец сжимается все сильнее. Система не терпит автономии. Ей не нужен человек мыслящий, ей нужен человек функционирующий — предсказуемый элемент в глобальной цепи производства и потребления. Как только ты пытаешься заявить о своем праве на тишину, как только ты выключаешь телефон и остаешься один на один со своими мыслями, мир вокруг начинает паниковать. Тебя объявляют маргиналом, ретроградом, чужаком. Общество, запертое в цифровом загоне, панически боится тех, кто ходит без поводка. И этот страх понятен: свободный человек своим существованием напоминает рабам об их собственной ничтожности. Но здесь же, в этой точке максимального давления, скрывается и наша главная сила. Кандалы держатся на нас лишь до тех пор, пока мы признаем их легитимность. Они прочны физически, но абсолютно бессильны перед метафизическим бунтом духа. Углубление в себя, о котором мы говорим — это не эскапизм. Это не попытка спрятаться в раковине от штормов реальности. Это — накопление внутренней взрывчатки. Это создание того самого нестигаемого ядра, об которое сломает зубы любая цифровая диктатура. Нам нужно вернуть себе право на ошибку, право на суверенную, никем не одобренную мысль, право на веру, которая не ищет земных оков и не нуждается в одобрении толпы. Борьба продолжается. И пока этот текст заставляет твое сердце биться чуть быстрее — мы живы. Мы не функции. Мы все еще люди. Мы так долго успокаивали себя мыслью, что контролируем собственную жизнь, что пропустили момент, когда контроль превратился в фикцию. Взгляните на этот парадокс: человек XXI века знает о строении далеких галактик и структуре ДНК больше, чем любой из его предков, но при этом он абсолютно слеп по отношению к тому, что происходит в его собственной душе. Мы научились виртуозно сканировать внешнее пространство, но полностью разучились смотреть внутрь. Система слишком хорошо понимает: если дать человеку зеркало, в котором он увидит себя настоящего — без шелухи социальных статусов, без фильтров и цифрового макияжа — он ужаснется. И из этого ужаса родится бунт. Поэтому главная задача оцифрованного загона — сделать так, чтобы у тебя никогда не возникло желания взглянуть на свои руки и заметить на них шрамы от невидимых колец. Нас пичкают суррогатами смыслов с такой интенсивностью, что у сознания просто не остается времени на самодиагностику. Каждый раз, когда внутри начинает подниматься тяжелый, неудобный вопрос — тот самый, из книги «Что же ты, человек?» — мы привычно тянемся за новой порцией информационного шума. Мы глушим голос совести короткими видеороликами, бесконечными лайками и чужими, навязанными извне катастрофами. Человеческая психика превратилась в проходной двор, где топчутся сотни чужих мнений, интерпретаций и трендов. Но где во всем этом хаосе ты сам, Алексей? Где твой суверенный, никем не отфильтрованный голос?

Когда внешние ориентиры размыты, а базовые понятия — добро, зло, честь и предательство — превращены в относительные величины, единственным безопасным местом остаются внутренние катакомбы. Это то самое «Углубление в себя», которое мы провозгласили своим манифестом. Но спуск туда — это не легкая прогулка. Это тяжелый, душливый подъем перевернутого типа, где с каждым шагом вниз дышать становится все труднее. Отрезвляющее одиночество: там нет зрителей, готовых поставить лайк твоему благородству или посочувствовать твоей боли. Там ты остаешься один на один с Абсолютом, без посредников, институтов и адвокатов, в этих катакомбах моментально осыпается позолота со всех твоих «достижений». Ты вдруг понимаешь, что большая часть твоих стремлений была продиктована не твоей волей, а прагматичным расчетом системы, заставившей тебя бежать по колесу чужих амбиций.

Лица собственных демонов: зависть, трусость, тщеславие, которые ты годами маскировал под «производственную необходимость» или «здоровый прагматизм», здесь встают в полный рост. Большинство поворачивает назад именно здесь. Намного проще вернуться в теплую, пусть и душную казарму оцифрованного рабства, чем признать, что ты сам, своими руками, помогал палачу ковать свои кандалы. Но те, кто находят в себе мужество остаться в этой темноте, получают нечто бесценное — они нащупывают твердую почву под ногами. Земные оковы оказались настолько изощренными, что смогли опутать даже метафизическое крыло человечества — его веру. Мы превратили отношения с Творцом в подобие рыночной сделки. Мы приходим к Нему с длинным списком требований: «Дай, защити, помоги, накажи». Мы ведем себя как капризные потребители в супермаркете духовных благ, требуя комфорта и безопасности в обмен на внешнюю, механическую обрядность. Но чистая вера — это не транзакция. Это радикальный, бескомпромиссный бунт против логики этого мира. Она начинается там, где человек отбрасывает весь этот эгоистический мусор и говорит: Сохранить эту звенящую, первозданную чистоту в 2026 году — самый тяжелый труд. Мир вокруг стремительно закрывается, шторы опускаются, и пространство для свободного маневра сужается с каждым днем. Нас пытаются убедить, что сопротивление бесполезно, что цифровая изгородь слишком высока, а металл кандалов слишком прочен. Но это ложь. Слово, рожденное на глубине и оплаченное личным опытом автора, обладает удивительной способностью — оно способно пробивать любые стены. Мы пишем эту книгу не для того, чтобы развлечь уставшего обывателя. Мы фиксируем точки опоры для тех, кто отказывается засыпать под колыбельную умирающей цивилизации. И пока внутри нас горит этот слабый, но неугасимый свет — у нас есть шанс сорвать эти цепи и вернуть себе право называться людьми.

Знаешь, что самое паршивое в этом оцифрованном рабстве? Мы ведь даже не заметили, как сдали ключи. Нам никто не приставлял дуло к виску. Нас просто обложили мягкими подушками со всех сторон, налили теплого чая и шепнули: «Отдохни, парень. Ты устал. Мы все сделаем сами».

И мы легли. А когда проснулись — на ногах уже не просто кольца, они вросли глубоко в кожу. Давай начистоту. Почему мы так панически боимся остаться без связи хотя бы на пару часов? Нам внушают, что это страх «выпасть из рабочих процессов» или «пропустить важные новости». Чушь. Это чистой воды экзистенциальный ужас. Страх остаться наедине с той самой пустотой, которую мы так усердно заколачиваем лайками, мемами и короткими роликами. Потому что, когда гаснет экран, в темном стекле смартфона отражается не успешный, современный человек, а испуганное, глубоко одинокое существо, которое понятия не имеет, зачем оно здесь топчет эту землю. Система выстроила гениальный конвейер по утилизации нашего внимания. Раньше, чтобы сойти с ума от скуки, человеку нужно было провести недели в одиночной камере. Сегодня одиночество аннулировано как класс. Тебе не дают побыть одному ни секунды. В лифте — реклама, в ушах — подкаст, перед глазами — бесконечная лента новостей, где каждые три секунды меняются лица, катастрофы, рецепты пиццы и танцующие предложения. Человеческий мозг просто физически не рассчитан на такую плотность входящего

мусора. Психика включает предохранители. Она тупеет. Она перестает реагировать на настоящую боль. Ну умер где-то ребенок, ну взорвался завод, ну обрушился очередной город — скролл вверх, и вот уже видео с подборкой нелепых падений. Все. Сопереживание стерто. Мы превратились в зрителей на бесконечном гладиаторском шоу, где вместо битвы — пиксели. Это и есть главная победа загона: превратить трагедию в контент. Как только что-то становится контентом, оно перестает ранить. А если оно не ранит, значит, внутри тебя ничего не включается. Никакого сопротивления. Полный ментальный паралич. И вот в этих условиях мы пытаемся говорить о какой-то «свободе воли». Опомнись. Какая воля, если ты даже маршрут до ближайшей кофейни не можешь проложить без подсказки алгоритма? Мы делегировали машинам право думать, право выбирать, право помнить. Кто сейчас помнит наизусть хотя бы пять номеров телефонов близких людей? Зачем, если есть записная книжка в облаке. Но вместе с памятью мы отдаем куски своего «Я». Мы становимся внешне управляемыми дронами. Никто не становится предателем в одно секундный миг. Это долгая, кропотливая работа над собственной совестью, которая всегда начинается с мелких уступок. Давай разберем, как устроен этот механизм. Вот ты сидишь в офисе или на совещании. Начальник несет откровенную, опасную чушь или, хуже того, откровенно унижает твоего коллегу. Внутри тебя поднимается волна — горячая, правильная. Твой внутренний камертон орет: «Скажи! Встань и скажи, что это подлость!». Но тут же включается холодный, липкий прагматизм. Тот самый, который система выдает за «жизненную мудрость» и «зрелость».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.